

ВАСИЛИЙ РЕМ

Мои рассказы, фантастика и роман

РОЖДЕННЫЙ В СССР

Василий Рем

**Мои рассказы, фантастика и
роман. Рожденный в СССР**

«Издательские решения»

Рем В.

Мои рассказы, фантастика и роман. Рожденный в СССР /
В. Рем — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833744-4

Мои рассказы. Все, что происходило в моей жизни, я описал в своей книге. Книга пронизана любовью к людям, природе, животным, птицам. Фантастика — это чистый вымысел. Все персонажи, имена и фамилии вымышленные. Роман — это тоже фантастика, но смешанная с реальностью.

ISBN 978-5-44-833744-4

© Рем В.
© Издательские решения

Содержание

Мои короткие рассказы	6
Работа на заводе «ЗИЛ»	6
Секретноситель	8
Авиакатастрофа, о которой не знала страна	10
Возмущенные «рабочие»	11
Диверсанты	12
«Партизаны»	13
Мессия	15
Колхоз	18
Предисловие об охране	18
Кабаны	20
Амбалы	21
Погоня	22
Аллея любви	23
Оппозиция	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мои рассказы, фантастика и роман Рожденный в СССР

Василий Рем

© Василий Рем, 2017

ISBN 978-5-4483-3744-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Василий Рем

Мои короткие рассказы

Работа на заводе «ЗИЛ»

Не помню, в каком это было году точно, где-то между 1974 и 1976 годом. Подняли нас по тревоге, велели переодеться в рабочую форму одежды для выполнения специального задания. Мы по привычке думали, что будет такое же задание, как в предыдущий раз. А предыдущий раз мы искали «секретносителя». Ну, пропал курьер с документами «особой важности». Позже я расскажу и об этом случае. Итак, мы ждали, что будет серьезное задание. Нас посадили в крытые машины ЗИЛ-131, и дружной колонной выехали с пограничного училища, где я и учился. Ехали долго, петляя по разным улицам города Москва, затем пригорода, и вот наконец-то наша колонна подъехала к воротам огромного завода. Над воротами красовалась надпись огромными буквами «ЗИЛ». Открылись ворота, и наши машины въехали на территорию завода. Ну, а дальше все спешились, построились, получили инструктаж, и вперед за работу. Оказывается, заводу «ЗИЛ» должны были вручить орден «Октябрьской революции», но не хватало нужного количества выпущенных автомашин, и нас бросили на прорыв. Мне попало в этот раз навешивать правое крыло автомашины ЗИЛ-130. В начале работы это крыло казалось мне пушинкой. Я ведь был спортсмен, да и природной силой не был обижен. Но уже к середине смены я понял, что такое «японский конвейер». Конвейер движется заданным темпом, а я навешиваю правое крыло. Процедура не большая, взял крыло с полки, нацепил на торчащие болты, наживил шайбы и гайки, а затем закрутил автоматическим пневматическим воротком гайки до полного прижатия крыла к кабине. Но вот к концу смены я уже стал не успевать за конвейером, приходилось не шагать, а бегать. Руки ныли от монотонной работы, на спине был мокрый хлопчатобумажный китель. Но всему приходит конец. Прогудел гудок, и смена закончилась. Мастер поблагодарил нас за работу и так многозначительно сказал:

– До встречи завтра, ребята.

Я спросил у взводного:

– Что, мы еще и завтра приедем вкалывать?

Ответ был лаконично прост.

– Сколько нужно, столько и будем вкалывать.

Спали мы в эту ночь, как после очередных полевых учений, то есть, не успев донести голову до подушки, все в ауте.

Утром снова построение, погрузка, и вперед на родной завод «ЗИЛ». На этот раз я подсуетился. Быстро побежал к мастеру и подарил ему армейскую флягу, попросил поставить на другое, более комфортное место. Мастер был рыбак-любитель, и моя фляга его очень обрадовала. Он спросил:

– Есть у тебя права?

Я, естественно, ответил, что есть, ведь мы сдали на права еще на первом курсе. Он повел меня в цех уже готовых машин и показал, что нужно делать. В этом цеху все машины шли на экспорт в одну из тогда дружественных нам стран Африки. А делать нужно было следующее. Завел машину, заехал на эстакаду, заглушил, поставил на скорость и на ручной тормоз. Затем нужно взять растворитель и с помощью него стереть на колесах надпись «Первый сорт». Затем взять специальное клеймо и на месте, где была надпись «Первый сорт», поставить надпись «Высший сорт». Мастер так и сказал:

– Ты просил халтуру, вот и халтуру на здоровье.

И что мне оставалось делать? Халтурил, за милую душу. Больше все мне нравилось загонять машину на эстакаду и затем съезжать с нее. Кстати, за смену так напрактиковался, что уже, как говорят, одной левой загонял автомашину на эстакаду. Потом эта практика мне пригодилась при службе на высокогорном участке границы.

Наша смена закончилась, но нужное количество машин еще не выпустили, значит, будет еще один заезд. На выходе автомашин стоял счетчик, он был в виде торчащего вниз стержня. Машина проезжает с конвейера, стержень скользит по кабине, и циферка перескакивает. А надо было еще сто машин выпустить до получения ордена. И тут смекалка сработала на славу. Халтурить, так халтурить. Поставили стремянку, взяли лопату и лопатой по стержню «бац», счетчик циферку добавил. Сто пятьдесят ударов лопатой по стержню, и план перевыполнен. Все, орден заводу обеспечен. Нас всех пригласили на вручение ордена «Октябрьской революции» заводу «ЗИЛ». Вручал лично Леонид Ильич Брежнев. Вот тогда мы его и увидели поближе, а до этого видели только издали на трибуне мавзолея, когда проходили парадом по Красной площади, да по телевизору. Вот и все про завод «ЗИЛ» и специальное задание.

Секретonosитель

Как уже упомянул в предыдущем рассказе, подняли нас по команде «тревога», велели одеться в рабочую форму одежды. Но мы думали, может, снова упал самолет, и опять мы будем стоять в оцеплении или бродить по полю и собирать в целлофановые пакеты все, что найдем. Как это было на первом курсе нашего обучения, но об этом расскажу позже. Итак, нас подняли по тревоге, построили на плацу. К нам подошел маленький такой челочек в гражданке и таким писклявым голосом сказал:

– Пропал наш сотрудник с секретными документами гриф «особой важности». Приметы: среднего роста, плечистый и крепкий. – Хотелось продолжить – ходит он в белой футболке и кепке, знак ГТО на груди у него, больше не знают о нем ничего. Но на этом совпадения закончились. – Волосы светлые, подстрижен под полубокс, носит очки. Может быть в костюме темного цвета, рубашка белая или серая, с галстуком. Цвет галстука неизвестен. Кто найдет, тому десять суток отпуска домой, – продолжил свое повествование сотрудник КГБ.

Ну, с таким стимулом, почему бы не поискать. Нас посадили в наши любимые ЗИЛ-131 с тентом и повезли к месту предполагаемой пропажи секретносителя. Затем нас построили в две цепи. Впереди шла первая поисковая, сзади, метрах в ста, дублирующая. Дали команду «Вперед!», и мы пошли. Первым я обнаружил очки, подал команду «Стой!». Все остановились. Подошел эксперт, осмотрел очки, сказал, что это не его, и мы пошли дальше. И так мы обшарили все открытое пространство и вот начали приближаться к жилой зоне с многоэтажными домами. Нас снова остановили и уточнили задачу. Осматривать только подвалы и канализационные ямы, поднимая все канализационные крышки. Все, работа снова закипела. Вот тут-то я впервые и столкнулся, как говорится, нос к носу с наркоманами. Мы ведь об этом горе тогда ничего не знали. В одном из подвалов мы услышали стоны. Ну, естественная реакция, сразу ринулись на звук доносившегося стоны. Подвалы были не прямые с тупиками и лабиринтами, но все таки мы изучали следопытство и ориентирование в любой среде. Поэтому быстро вышли на цель. В одном из закоулков подвала была оборудована времянка, стояли кресла, столы, старый примус, кружки, ложки, все, конечно, закопченные. Валялись медицинские шприцы. На одном кресле спал молодой человек, на втором девушка. А вот на полу лежал и корчился, видимо, от боли еще один мужчина, чуть постарше. Ну, мы к нему, надеялись, что это наш секретноситель. Однако длинные волосы дали понять, что это не он. Мы, конечно, не понимали, что здесь происходит. Вызвали специалиста. Тот сразу, только глянув, сказал:

– Эти двое кайфуют, а у этого «передоз». Срочно скорую к подъезду.

Мы таких-то и слов до этого не слыхали. Ну, конечно, когда мы изучали растлевающий Запад, нам рассказывали про эту беду, но чтобы у нас в стране, и такое. Вытащили мы этих бедолаг на свежий воздух, и их всех увезла скорая помощь. Наши поиски продолжились. Не прошли мы и трех домов, как снова встретили неожиданных гостей в подвале. На этот раз обнаружили живущих в подвале опустившихся мужчин, как сейчас говорят, бомжей. А тогда мы такого и слова не знали. Только из песен Владимира Высоцкого знали слово «бич» – безработный моряк. От них пахло, как от помойки, а нам их нужно было досматривать. А что поделаешь, поставили их лицом к стене, ноги на ширину плеч, руки за голову. Провели досмотр, как и учили на спецкурсе. Ничего, кроме опасной бритвы у одного в кармане, мы не обнаружили, но все же передали в руки милиции и этих бомжей. Ведь тогда за тунеядство статья была уголовная. Долго мы бродили по подвалам и заглядывали в канализационные люки. Кстати, из двух люков вытащили по одному «жмурику», но и эти утопленники оказались не наш секретноситель. Задержали по ходу этого рейда пятнадцать чело-

век без документов. Как потом оказалось, двое из них были в бегах. Остальные приезжие из разных республик СССР. Устали мы, как собаки, от нас уже самих пахло, как от тех бомжей. Но так ничего и никого мы и не нашли. Вернувшись в училище, первое – это сразу все побежали в душ, а затем стирка нашего обмундирования. Помытые, переодетые в другое обмундирование пошли на ужин. Ну, а затем отдых и сон. Как потом оказалось, этот секретноситель сдал секретные документы в камеру хранения аэропорта. Сам смотался к своей женщине в Ленинград на двое суток. Блин, ну как в кино.

Авиакатастрофа, о которой не знала страна

Вот подняли нас, первокурсников, по тревоге, нам, уже отслужившим в армии срочную службу, это дело привычное. А те, кто поступал с гражданки, суетятся, попасть ногой в сапог не могут. Но мы им помогаем, как говорится, по-товарищески, передаем свой опыт.

Построились на плацу все с оружием, с боекомплектами, как говорится, по полной выкладке. Проверили, все на месте, все что положено с собой. Дали команду все, кроме автоматов и двух магазинов с боеприпасами к автомату, сдать в оружейную комнату. Так и сделали. Я тогда командовал третьим отделением. В моем отделении, как назло, ни одного бывшего служаки, все с гражданки. Но ничего, подучим, подтянем, будут не хуже других.

Снова нас построили на плацу и объяснили по секрету.

– Упал под аэропортом «Шереметьево-2» самолет с иностранной делегацией, и нас бросают на зачистку местности. Всем все ясно, надо, так надо. Вот знали бы мы тогда, с чем придется столкнуться, так бы не радовались этому специальному заданию. Посадили в машины, и к аэропорту. Километрах в десяти или двадцати от аэропорта нас спешили, и дальше мы пошли колоннами в сторону леса. Не прошли и трех километров по лесу, как увидели черную полосу между деревьями, деревья на этой полосе были срублены почти под корень, и все обгоревшее. Подойдя к этой черной полосе, нас поставили по кругу в оцепление, сменив стоящих там ранее курсантов милицейского училища. После того, как вся полоса падения самолета была оцеплена, из нас выбрали тех, кто уже служил на границе, и поручили зачищать эту черную полосу. Выдали перчатки, целлофановые пакеты и сказали:

– Все, что найдете, складывайте в пакеты, набьете полный пакет, завяжите, оставьте сзади себя и берите второй.

Так мы и делали. Боже милосердный! Чего мы только не находили, думаю, что лучше об этом не писать, кисти человеческих рук, обгоревшие открытые черепа с выпавшими глазами, нам от этого стало сразу дурно, но заблаговременно выданный нам нашатырный спирт приводил нас обратно в чувства. Только теперь мы поняли, зачем нам выдали спирт и повязки. Горелое человеческое мясо, оказалось, имеет сладко-приторный запах. Но об этом хватит. Собирали документы, доллары, детские игрушки. Я так боялся, что мне попадет мертвый ребенок, я бы этого, наверно, не пережил. Но, слава Богу, детей на этом самолете не было, игрушки, оказывается, везли в подарок. Однако среди наших курсантов, правда, из старшего курса, нашелся один, который прикарманил доллары. Как итог, его сразу отчислили из училища и отправили за мародерство в стройбат. В семье не без урода. После всего увиденного на этой страшной черной полосе мы не могли есть мясного дня три. Потом позабылось, привыкли, и учеба снова пошла своей рутинной вереницей дел.

Возмущенные «рабочие»

Вот снова не припомню точно, когда, но дело было где-то в 1975—1976 году, подняли нас по тревоге. Приказали одеться в спортивную форму и надеть перчатки. Команда про перчатки нас удивила, ведь было еще тепло. Но мы люди подневольные и вопросов лишних не задаем. Построили нас и поставили задачу. Как говорится, что и как. Оказывается, со слов командира, к Красной площади идут колонны врагов нашей Родины и хотят нашу страну опозорить на весь мир. Наша задача пресечь эту провокацию, разогнать всех «врагов народа», забрать у них все фотоаппараты, видеокамеры и привести фото и киноплёнки в негодность. Одним словом, засветить, чтобы не было документального свидетельства. Посадили нас на автомашины, и вперед. Улица Горького и все прилегающие к шествию улицы были оцеплены сотрудниками милиции. Нас высадили во дворах и разбили на группы по десять человек. Каждой группе уточнили задачу и определили направление к действиям. Я был в группе, которая выходила к демонстрантам в районе памятника Маяковскому. Имитируя возмущенных горожан и простых рабочих, мы начали говорить демонстрантам, чтобы они расходились и не позорили нашу Родину. Началась перебранка, дошло до оскорбления, а дальше пошла драка. Били мы демонстрантов, не жалея их, ведь мы думали, что это «враги народа». Имея подготовку в рукопашном бое, нам долго не пришлось «уговаривать» их уйти. Демонстранты редели, кто-то убежал, кто-то лежал без сознания. За кем-то приехала скорая помощь. Нас всех демонстративно скрутили милиционеры и повели во дворы. Там нас отпускали, и мы с иной стороны здания, снова выбегали и продолжали бить демонстрантов, при этом отбирали фотоаппараты и кинокамеры. Засвечивали пленку, отдавали обратно. Но если фотоаппарат не открывался, просто били его об асфальт, пока не вылетала пленка. В течение одного часа нас задерживали и отпускали так раз десять. Но и демонстранты до Красной площади не дошли. Их зачинщиков арестовали, остальные разбежались по домам. Сейчас я понимаю, что это было плохо, что нельзя так делать. Но тогда я был патриот своей родины СССР и за Родину готов бить любого, только прикажите. Потом оказалось, что это была демонстрация против запрета правительства СССР о выезде евреев из СССР. Приношу свои извинения всем демонстрантам, которых по приказу командования избивал у памятника Маяковскому.

Был еще один случай, когда вы засвечивали пленки. Подняли нас по тревоге и по полной выкладке привезли на Красную площадь. Все шептались, мол, война, что ли? Но когда нас высадили из машин, мы увидели, что горит здание гостиницы «Россия». Все вокруг кричат. Нас быстро поставили в оцепление, и всех, кто пытался фотографировать, мы предупреждали о запрете на фото. Но если кто-то не слушал нас, вырывали фотоаппараты и засвечивали пленки. В те времена не было сотовых телефонов, да и фотоаппаратов было не густо, не говоря о фотокамерах. Так что мы быстро управились с этими непонимающими. Но пришлось увидеть и ужасы горящих и падающих с верхних этажей людей. Страшная это картина, когда горящий человек летит вниз с двадцатого этажа. Пока он долетает до асфальта, вся одежда на нем успевает сгореть. После удара об асфальт от упавшего отлетали части тела и брызги крови в виде фонтанов. Жуткая картина. Я уже не говорю об истошных криках падающих и горящих заживо людей. Хочется все это забыть, но не забывается.

Диверсанты

Изучая документы, которые могли мне помочь хорошо подготовить бойцов, я получил допуск для работы с документами не только с грифом СС, но и ОВ. Это в основном документы времен Великой Отечественной войны. Особое внимание уделялось диверсионным и мобилизационным ресурсам бойцов и командиров.

Там было написано, что один офицер-пограничник в тылу врага должен в кратчайший срок собрать не менее роты повстанцев, вооружить их и обучить диверсионным методам войны с врагом. Судя по документам, такие специалисты у нас были в период войны, и они реально били фашистов в их тылу, используя местное население, отступающих бойцов Красной армии и убегающих от немцев жителей захваченных районов.

Я очень кропотливо изучал этот опыт и понимал, что уже могу реально проводить такую работу, если придется. Но среди документов я нашел то, что нигде и никогда не озвучивалось, ни в одном военном или послевоенном документе, книгах, рассказах. И это касается пограничников.

Шли бои на подступах к Москве, немцы уже начали понимать, что русские морозы – это не шутка, и начали применять для согрева наши методы. То есть шнапс или спирт, а офицерам выдавали коньяк.

Так вот, одна из немецких танковых дивизий, которая должна была сделать в ближайшие дни рывок и прорвать оборону Москвы, приняла очередную порцию горячительного напитка и улеглась на отдых. Часовые и боевое охранение были выставлены с немецкой щепетильностью. Ничего не предвещало беды. Дул легкий, но колючий ветерок с морозцем, сверху сыпал мелкий снежок, затрудняя видимость.

В это время курсанты Московского пограничного училища получали боевую задачу на проведение дерзкой акции в тылу противника. Конечно, накануне этой акции была проведена сильнейшая разведка и тренировка курсантов. Все было отработано до автоматизма. Как известно, в то военное время курсантами были солдаты, прошедшие службу на границе, а многие и участвовали в боях с немцами и в боях на границе. Получив инструктаж, они сдали все свои документы и, одевшись в белый камуфляж, получили ножи разведчика, гранаты и револьверы – самое надежное легкое оружие войны.

Дерзость вылазки заключалась в том, чтобы попасть в расположение немецкой танковой дивизии, без единого выстрела снять часовых, боевое охранение и вырезать все экипажи танков. Благо, разведка показала, что бдительности у немцев, как ни странно, тогда не доставало. И вот, настало время «Ч»: курсанты, разбившись на группы по пять человек, вышли в направлении немецких позиций. Успешно пройдя линию фронта, без труда попали в расположение танковой дивизии. И где эта пресловутая немецкая бдительность? Измотанные боями, обстрелами и замерзшие от мороза, часовые были сняты без единого писка, потому что они все дремали на посту. Далее пошла работа, от которой стынет кровь в жилах: резко, закрывая рот одной рукой, курсанты наносили единственный смертельный удар ножом в сердце или сонную артерию. Тихо переходя от одного фашиста к другому, они кромсали немецкую «железную машину». Руки и маскхалаты были залиты кровью немцев, но в темноте этого не было видно, да и не до того было.

И вот последний немец расстался с жизнью. Каждая группа вела четкий подсчет убитых немцев. Негодились ни револьверы, ни гранаты. В бензобаки танков был засыпан сахарный песок, приготовленный заранее, перед выходом в рейд. Дерзкая вылазка удалась.

Вернувшись в расположение части, курсанты при свете коптилок наконец-то увидели, насколько сильно перепачкались кровью фашистов. Но кроме какой-то звериной радости, никто не испытал никаких эмоций, а если кто и испытал, то тщательно это скрыл.

«Партизаны»

На западной Украине, в Белоруссии и Прибалтике в начальный период Великой Отечественной войны в лесах бродило много разных людей: отступающие бойцы и командиры Красной армии, беженцы, местные жители. Постепенно они объединились в отряды. Кто-то стал партизанить, кто-то организовал националистическую группу «против всех», это потом они получили названия ОУН, УНО, УНСО, дивизия «Галичина» и прочие названия.

Командованию РККА стала приходиться информация о появившихся партизанских отрядах и отрядах националистов. Было принято решение поставить во главе партизанских отрядов проверенных временем и войной чекистов и партийных работников. Нам из литературы и истории известны крупные лидеры, такие, как реальный Ковпак, киношный майор Млынский. Но в тыл немцам посылали много командиров-чекистов, и отрядов было довольно много, не обо всех написано в исторических и литературных произведениях, а о некоторых (в связи со спецификой их работы) есть только записи в документах с грифом ОБ, не известных никому до сих пор.

Один из таких партизанских отрядов возглавил присланный из Центра майор НКВД, кличка «Град», настоящая фамилия Ваупшасов С. А. К концу войны он стал полковником КГБ и упомянут в «Аквариуме» предателя Резуна. Приняв под свое командование сто двадцать три человека, «Град» быстро привел всех в порядок, добился полной боеготовности. Проведя несколько рейдов по тылам немцев, вооружил, одел и обул свой отряд, что называется, с иголки. Но весь фокус был в том, что одел он отряд в захваченную немецкую форму, красноармейская форма-то давно поизносилась. Доложив по радиации о готовности к ведению серьезных боевых действий в тылу врага, майор сообщил и о специфике одежды своего отряда. Центр вначале гневно приказал сбросить ненавистную форму, но затем дал полный отбой и наоборот одобрил нахождение бойцов в немецкой форме. Центр поставил задачу – имитируя карательные операции немцев, уничтожить все встретившиеся на пути отряды националистов и выявить лояльно настроенных к немцам местных жителей. Права были даны командиру особые – право расстрела на месте любого врага или его пособника.

И вот, партизанский отряд под кодовым номером «шестьсот шестьдесят шесть», а между собой его бойцы называли «СС-КПСС», начал свои рейды по тылам противника. За неделю боев было уничтожено полностью два отряда националистов, вышедших радостно навстречу, как они думали, немцам. Отряд шел строем к расположению части прямо среди бела дня и, подойдя вплотную, вдруг резко открывал огонь из пулеметов и ликвидировал не успевших опомниться немцев. Потерь в таких боях, как правило, почти не было. Один-два бойца оставались на месте боя, да пару раненых, которые уходили с отрядом от места ведения боя. Но вот одна операция была проведена совсем с другими результатами.

Заходя по ходу движения к следующей точке своей дислокации, отряд вошел в одну украинскую деревню, где-то на западе Украины. Радужные жители встретили с хлебом и солью, видимо, надеясь, получить таким образом защиту и милость от оккупантов. Знали бы местные, кого они встречали с хлебом и солью, они бы и из домов не выходили. Командир отряда, майор «Град», решил поиграть в настоящих немцев и вроде бы через переводчика начал говорить местным жителям, чтобы те привели коммунистов, евреев и чужих, приютившихся в деревне людей, и тогда будет местным его милость. Не прошло и полчаса, как местные жители на площадь привели десять человек, которых, как оказалось, они уже давно поймали и держали запертыми в сарае.

Командир приказал собрать на площади всех местных жителей деревни, чтобы присутствовали при показательной казни коммунистов, евреев и беглых. Когда все жители собра-

лись на площади, их окружил отряд номер «шестьсот шестьдесят шесть», и командир отряда на русском языке, с явно прибалтийским акцентом, объявил: «По законам военного времени, правами, данными мне Центром, я приговорил всех предателей Родины к высшей мере социальной защиты – расстрелу. Огонь!» Раздались пулеметные и автоматные очереди, люди падали молча, с ужасом на лицах, никто не кричал, не плакал, не просил пощады. Все они поняли, уже за секунды до смерти, что за отряд пришел в их деревню. Закончив операцию, бойцы освободили связанных местными жителями пленных, и, похоронив наспех убитых, отряд пошел дальше по дороге своего «героического» пути. А сколько таких случаев было, кто знает?

Мессия

Когда он вошел в палату номер пятнадцать, все поняли сразу – это он. Тем более, что его выделяла среди остальных больных подстриженная под ноль голова. До его прихода в палате была обычная рутина лечения. Таблетки, уколы, процедуры. Но с его приходом все изменилось. В свои шестьдесят с хвостиком он был атлетом по телосложению, умен и перспективен. Себя он видел вторым после Бога.

Войдя в палату номер пятнадцать, он не обманул их ожидания и с порога заявил:

– Я пришел! Знаю, вы меня давно ждете, давно мечтали о встрече со мной. Так возрадуемся! Я пришел!

Все больные вскочили с постелей. Некоторые держали в руках пластмассовые бутылочки с трубочкой, идущей от мочевого пузыря, и не могли аплодировать, но остальные разразились аплодисментами и криками «Ура!». Жестом руки он прервал аплодисменты и возгласы. Вторым жестом он показал, что можно присесть или прилечь. Подождав, когда все усядутся, он начал свою речь.

– Кратко представлюсь, – сказал он и начал перечислять все свои многочисленные титулы и дипломы. – Дворянин по происхождению, сей титул был пожалован моим предками вместе с вручением четвертого золотого креста «Святого Георгия», золотых погон поручика и ста золотых червонцев из рук самого императора и самодержца Николая Второго «Кровавого» за боевые подвиги в период Первой Мировой войны. Я имею два высших образования, окончил Училище КГБ в городе Москва и Педагогический институт по профилю физмат в городе Южно-Сахалинск. Получил восемнадцать профессий, подкрепленных дипломами. Токарь-фрезеровщик четвертого разряда, слесарь-наладчик четвертого разряда, повар пятого разряда, мастер по ремонту оптических и электронно-оптических приборов, старший машины, старший служебного наряда, киномеханик второй категории, инструктор прикладного карате, массажист общего и точечного массажа, бухгалтер-финансист, оператор по работе на электронной площадке «Сбербанка», судья по спорту первой категории, инструктор армейского рукопашного боя, инструктор по пулевой стрельбе, учитель математики, разведчик-диверсант КГБ, частный охранник шестой категории, поэт и прозаик, – завершил он свои перечисления и предъявления удостоверений и дипломов. – Занимаясь восточными единоборствами и гимнастикой йогов, достиг такого уровня медитации, что мог надолго уходить в нирвану, где подолгу беседовал с самим Буддой, Великим Пророком Мухаммедом и, конечно же, с Иисусом. Последний из них увидел во мне МЕССИЮ и прислал меня к вам, заблудшим овцам. Слава Иисусу! Слава МЕССИИ!

Все вскочили снова с коек и закричали хором: «Слава Иисусу! Слава МЕССИИ!», повторив это троекратно вслед за МЕССИЕЙ, и трижды перекрестились вслед за ним. Слезы умиления текли из глаз обитателей палаты номер пятнадцать.

– А теперь, – продолжил он – идите по палатам и сообщите всем, что прислал вас МЕССИЯ, пусть готовятся к посвящению в ИЗБРАННЫЕ.

Ухватив свои бутылки в руки, а кто без бутылок, те конечно быстрее, все побежали по палатам сообщить о невиданном чуде, приходе МЕССИИ.

В течение двух дней пребывания в палате номер пятнадцать он произвел в ПОСВЯЩЕННЫЕ всех больных четвертого этажа, включая и медперсонал, которые тоже поверили ему на слово. Сомневающихся он подводил к своей тумбочке, что стояла у кровати, и показывал им инвентарный номер, написанный красной краской на белом фоне. Этот номер заканчивался цифрами 666. Затем он показывал свой код от интернета в «ООО Русич», там тоже номер заканчивался цифрой 666.

– Сатана рядом, – громко говорил он, – не попадите в его кровавые когти!

После этой цифровой атаки сомневающихся больных больше не оказалось.

Взнос для вступления в посвященные был символическим, всего сто рублей ежемесячно. В совет писателей он платил ежемесячно по двести рублей в каждый. О чем он и говорил тем, которые сомневались. Каждому при посвящении он давал новое имя, которое в скобках прописывалось в договоре между верующим и Богом. Кроме этого в договоре было прописано быть во всем послушным МЕССИИ и своими делами подтверждать преданность посвященным и избранным. Среди этих дел были пожертвования и полное отрешение от посланных дьяволом удобств. Много еще там было написано. Все это скреплялось подписью и кровью из пальца больного. Как говорится, все были повязаны кровью. Себе же он избрал имя Альберт. Почему Альберт? Просто, когда он служил срочную службу в войсках КГБ и однажды провинился, старшина в сердцах спросил: «И как теперь, скажи, тебя после такого проступка называть?» Он ответил старшине: «Зовите меня просто – Альберт!», естественно все рассмеялись, и старшина не стал его наказывать. После посвящения в ИЗБРАННЫЕ все поверили в то, что он МЕССИЯ.

Далее все больные, получив назначения, таблетки для лечения, шли к нему за благословением. Он, конечно, благословлял их, но заносил все в свою картотеку, открытую им в ноутбуке. Через интернет он проверял правильность назначения врача и иногда вступал с врачами в полемику, требуя назначения других процедур или других таблеток аргументируя это знаниями, подкрепленными из интернета. Врачи прислушивались к его замечаниям и назначали другие лекарства, что по методу «плацебо» быстро приводило к выздоровлению больных. После этого ему поверили окончательно. К нему потянулись больные с других этажей, а во время пропуска родственников и жители города. О нем разнеслась слава по всему провинциальному городку. Принимал он всех и все, что они с собой приносили. Выслушивал, благословлял их от имени себя и Бога. А ведь как важно человеку, чтобы его выслушали и благословили.

В больнице быстро иссяк поток больных, все как-то, как по взмаху волшебной палочке, начали выздоравливать и, выписавшись, несли в свет сведения о МЕССИИ. Утром он строил всех на зарядку и, получив благословения Бога и воздав ему хвалу, проводил с больными легкие упражнения, разгоняющие в них застоявшуюся больную кровь. Вечером была проповедь, где он в течение часа рассказывал всем о встречах и беседах со святыми. Наставлял, как надо жить, чтобы не поддаться искушению дьявола. Чаще всего напоминал про богатого, ушко иглы и верблюда, намекая на щедрые пожертвования, и эти пожертвования шли и шли. Но вот пришел срок его выписки из больницы. Он вечером при всех вышел на балкон и вдруг исчез. Это было его очередное чудо, в которое поверили даже самые-самые не верившие.

Он появлялся в разных городах нашей матушки-России, проводил проповеди, принимал пожертвования и исчезал, так же выходя на балкон гостиницы.

Его последователи создали братства по всей стране, куда он навещался на денек, провести проповедь и собрать пожертвования.

За ним по следу ходила полиция и ФСБ, но он исчезал и так путал следы, что все полицейские и ФСБ-шники не могли его найти, правда, потом у них появлялись иномарки и коттеджи, а что, честно заработали, орлы.

Он был мастер перевоплощения. Его пребывание в народном театре, при студии МХАТ, да и служба в войсках КГБ способствовали этому мастерству.

Но вот однажды он исчез надолго. Все уже надеялись: «А не ушел ли он на беседу к Богу?» Но вот в одном из журналов увидели его фотографию с бородой, в очках, но кому надо, тот узнал его. Там писали, что он в первой десятке миллиардеров и проживает в одной из стран Европы, с которой у России нет договора о передаче преступников.

Он сидел в своем замке на берегу реки Туманного Альбиона и перебирал свои дипломы и удостоверения, подтверждающие его звания, титулы и профессии. Мелькнула мысль:

«А не проверить ли это дело здесь, в Европе? Нет, здесь люди не те, да и полиция слишком жадная. А еще и языков он не знает. Хватит ему и этого», – подумал он и уснул.

Колхоз

Предисловие об охране

Все произошло внезапно и поэтому не предсказуемо. Дома у Евгения Михайловича раздался звонок телефона. Звонил юрист «Народной инвестиционно-финансовой компании» из Москвы. Дело в том, что Женя выставил на продажу одно из своих охранных предприятий, по этому поводу и был звонок. Договорились о встрече, встретились, обменялись документами, пошел процесс оформления договора купли-продажи. А Женин ЧОП они приобретали для охраны Открытого Акционерного Общества «Сельскохозяйственное предприятие «Красное дышло», поля и строения которого были выкуплены этой инвестиционной компанией в селе Кривой Глаз.

При очередной встрече для передачи документов и денег по договору купли-продажи новый генеральный директор ОАО «СХП «Красное дышло» Марфа Ивановна попросила Евгения помочь с формированием и расстановкой охраны по объектам. Жене было делать нечего, и он согласился. То, что он увидел, приехав в колхоз (по привычке его все так и называют), Женю шокировало. Вокруг зданий мастерской, склада ГСМ, складов с готовой продукцией не было ни забора, ни какого бы то ни было ограждения. По территории мастерской бродили козы, собаки и пьяные местные жители. Не воровал только тот, кто был так ленив, что не хотел выйти из дома. Правда, там и воровать уже было нечего, бывшее начальство все уже растащило по домам, гаражам и подвалам.

Первые Женины предложения и были связаны с установкой забора по периметру всех зданий и сооружений для ограждения имущества от посторонних и воришек. Очень даже быстро установили металлический забор, ворота, вышку и вагончик для охраны. Женя был принят заместителем директора охраны, и выставил посты. Обнесли заборами и насосные станции первого подъема в селе Нижний Берег и второго подъема у трассы, в направлении Шубукино. На ограждение молочно-товарной фермы, весовой и складов с зерном уже денег не хватило, кстати, они до сей поры не огорожены.

На все объекты Женя выставил вооруженную служебным оружием охрану и на двух основных постах со служебными собаками. Директором охраны у них был полковник запаса, летчик, Луговой Владлен Иванович. Но, как известно из пословицы: «Где начинается авиация, там заканчивается дисциплина», – и уже через две недели работы Евгения в должности заместителя ему предложили быть директором охраны, и он согласился. Владлена Ивановича перевели на должность начальника юридического отдела. И так началась Женина колхозная жизнь.

Население в селе четко разделилось на две группы. Одна за Белова Максима Игнатьевича (бывшего председателя колхоза), он представлял сторону новых хозяев из Москвы, и вторая против всех. Противников было меньшинство, и их окрестили «оппозицией». Идеологом продажи земель и имущества москвичам выступал Белов Максим Игнатьевич, директор обанкротившегося ЗАО «Сельхозартели «Красное дышло». В новом ОАО «СХП «Красное дышло» он был председателем Совета директоров и отвечал за связь с местными властями и оформление земель и недвижимости в собственность. Непосредственно закупкой земель занимался юридический отдел во главе с Луговым Владленом Ивановичем. Скупала землю и главный экономист предприятия Уродова Т. Все происходило очень прозаично. Скупались земельные паи на этих двоих граждан по доверенности, а затем переоформлялись на ОАО «Сельскохозяйственное предприятие «Красное дышло». За один пай виртуальной земли размером пять гектаров давали тридцать тысяч рублей. Параллельно шла скупка

акций Общества, около восьмидесяти процентов которых выкупил сам инвестор. Несмотря на жесткое сопротивление оппозиции, земельные паи, недвижимость и акции были выкуплены и оформлены в частную собственность.

Новым исполнительным директором был назначен приехавший из Ярославской области Болохович Михаил Абрамович, в прошлом выпускник Мичуринской академии по профессии зоотехник. Вроде все начало шевелиться, посевная, надои молока, ну, все, как в любом колхозе. Снова появилась работа у местных жителей, пришли трактористы, комбайнеры, водители, слесаря, доярки, и работа закипела. Зазеленели всходы, появилась надежда на хорошую жизнь, и народ воспрянул духом.

Но по привычке, как местные жители, так и жители вблизи лежащих населенных пунктов продолжали приходить с мешками, кто за комбикормом, кто за силосом, кто за зерном, кто за солью, и все норовили украсть. Но бдительные охранники задерживали их и передавали в отделение милиции или сразу участковому инспектору милиции. В течение первого года охраны было произведено более ста восьмидесяти задержаний с поличным, как местных жителей, так и случайно зашедших гастролеров.

Народ постепенно привык к тому, что стоит охрана, и перестал так нагло воровать урожай колхоза. Да и общественный порядок в селе Кривой Глаз стал намного стабильнее. Наиболее подготовленных и добросовестных охранников Женя через участкового инспектора милиции сделал внештатными сотрудниками МВД, и они дежурили на дискотеках и патрулировали деревенские улицы в наиболее криминальных местах.

Оценку работы охраны можно сделать из двух признаков. В селе все начали забивать коров и свиней. Поскольку кормить их ворованными кормами уже не было возможности. А тратиться на корма народ здесь не привык.

И вторая – это слова бабушки:

– Я теперь по деревне вечером не боюсь ходить, охрана навела здесь порядок, которого со времен Сталина не было.

Боже мой, сколько за эти годы и особенно первый год прошло через руки Жени людей, желающих работать в охране. В начале текучка кадров была просто ужасная. У Евгения уже был большой опыт работы в охране, как охранником, так и руководителем. Стоило ему приехать на проверку, сразу на его видеокамере был либо спящий, либо пьяный охранник. Если находил спящих, он просто наказывал, объявляя взыскание или лишая их премиальных, но алкашей он выгонял сразу. У Жени до этих пор хранится картотека с фотографиями всех уволенных за пьянку и иные грубые нарушения трудовой дисциплины. В этой картотеке собралось пять тысяч триста восемьдесят один человек. Кстати, зарплата была весьма приличная, и те, кто был нормальным человеком и хорошим охранником, дорожили своим местом работы. Так сформировался довольно крепкий коллектив охраны, с которыми можно было не только охранять объекты, но и поддерживать общественный порядок в селе Кривой Глаз.

А сейчас опишем наиболее яркие, а порой даже смешные истории, случившиеся с охранниками в период службы.

Кабаны

Пришло время, вырос картофель, и местные жители начали его понемногу подкапывать и воровать. Пришлось вытащить и поставить посередине поля вагончик и выставить охрану. Охранник должен был в ночное время с фонариком обходить поле по периметру и отгонять местных жителей и залетных от поля, не давая им воровать картофель. Дело в том, что инвесторы завезли элитные сорта картофеля, и местные жители проявляли к нему повышенный интерес.

У каждого охранника была радиостанция, фонарик и спецсредства для самообороны. Оружия Женя выдавал только на стационарные объекты, где действительно были настоящие ценности в виде документов, кассы, дорогостоящего оборудования и техники.

Вот, однажды стоял на охране картофельного поля молодой охранник, он даже не служил в армии, С. Барбашников. Согласно инструкции все охранники докладывали оперативному дежурному через каждые два часа, о чем тот делал запись в журнале. И вот, в четыре утра не поступило доклада от охранника с картофельного поля. Оперативный, подождав с полчаса, сам начал вызывать его по рации, но ответа не было, хотя в трубку было слышно, что сигнал на его рацию проходит. Вывод, как говорится, один – либо он так крепко спит, либо что-то случилось. Оперативный доложил об этом директору охраны, и тот дал команду выехать на место и посмотреть. Оперативный выполнил его команду, и утром директору охраны на стол легла объяснительная записка охранника.

Объяснительная:

– Я, охранник Барбашников С. В., находясь на службе на объекте «Картофельное поле» повесил радиостанцию на стенку вагончика снаружи и грелся у костра. Внезапно к вагончику подбежала стая диких кабанов. Я еле успел заскочить в вагончик. Мои крики и стук по стене вагончика диких кабанов не отогнали, и я стал ждать, пока они уйдут. Но они все рылись вокруг вагончика и не уходили. Мне было страшно, и я затаился и не подавал больше никаких звуков. Я слышал, как меня вызывали по рации, но, поскольку рация висела на внешней стене будки, я ответить не мог. Через четыре часа приехал оперативный дежурный, и кабаны убежали.

И что тут скажешь, наказывать вроде было не за что. Здесь в округе заповедник, и непуганого зверья бродит много, а стрелять его нельзя, строжайший запрет. Вот и приходится терпеть их посещения.

Амбалы

Дежурил на объекте «Насосная станция второго подъема» прапорщик запаса Иванов. Вроде парень молодой, спортивный с виду, смелый, должно быть. Вот, в два часа ночи звонит Евгению уже по сотовому телефону с картофельного поля Барбашников и сообщает:

– На «Насосную второго подъема», где дежурил Иванов, напали амбалы в масках, забрали спецсредства, но Иванов вырвался и убежал. Единственное, что он запомнил, на одном амбале были кроссы фирмы «Ребокс».

Женя сразу понял, что за амбалы так напугали охранника Иванова. В оперативной группе, которая занималась и проверками службы постов, были трое парней – Андрей, Володя и Сережа. Это ребята прошли суровую армейскую службу, были надежными бойцами и очень любили шутить с охранниками. Так сказать, проверяя их на вшивость. Женя позвонил оперативному, ответил ему Андрей. Женя спросил:

– Это ты изображал амбала?

Он ответил:

– Да, я.

– Ну, тогда позвони Иванову на поле с картофелем. Скажи, пусть возвращается обратно, на «Насосную второго подъема», – сказал он ему.

Утром Женя прибыл в офис, и на его столе опять лежала объяснительная записка.

Объяснительная:

– Я, охранник Иванов, дежурил на объекте «Насосная второго подъема». В два часа ночи я услышал какой-то шум и попытался выйти из вагончика. В это время из темноты на меня набросились амбалы в масках и уложили меня на землю. Затем они забрали спецсредства и рацию и хотели бросить меня в озеро. Но я вырвался и побежал к вагончику охраны на картофельное поле за помощью. Одно, что я запомнил, амбалы были в черных куртках, на ногах кроссы с надписью на английском языке «Ребокс». В два часа десять минут мне позвонил оперативный и сказал, чтобы я возвращался на свой пост, поскольку амбалов уже задержали.

Судя по времени, указанном в объяснительной записке, пять километров до вагончика охраны, что на картофельном поле, Иванов пробежал за рекордное время. Ну, хоть заноси в «Книгу рекордов Гиннеса».

Погоня

Поехала тревожная группа на объезд полей. Всюду порядок. А полей-то много, более ста пятидесяти гектаров. Смотрят, стоит кто-то в подсолнухах и ломает шляпки с семечками. Остановили они машину и пошли посмотреть, кто это такой смелый? Стоит синий «москвич», мотор работает, а на поле мужчина с мешком семечки ворует. Окликнули они его:

– Иди сюда, дорогой.

Бросил он мешок, вскочил в машину и помчался по дороге. УАЗ сразу наперерез ему, думал, остановится, а «москвич» таранит УАЗ в переднее крыло и мчится дальше. Началась погоня. По рации передали, что мчится «москвич» на всех парах прямо к зернотоку. Вышел охранник зернотока, дубинкой машет, велит ему остановиться. «Москвич» прет на охранника, не сворачивая, еле тот успел отскочить. Погоня продолжилась до соседнего поселка. Там этот мужик бросил свой «москвич» и спрятался в квартиру. Оpoznали охранники «москвич», на бампере краска от протараненного УАЗ. Вызвали милицию. Нашелся парень, указал, куда спрятался мужчина. Вызвала его милиция к машине, начали делать досмотр. Понятых позвали и обнаружили в его машине незарегистрированное ружье и патроны с пулями. Оформили протокол и забрали его в милицию. Охрана поехала делать ремонт правого крыла, помятого «москвичом». Ремонт обошелся в пять тысяч рублей. Написали заявление в милицию за ДТП, за то, что уехал с места аварии. За то, что чуть охранника не сбил. Приняла милиция заявление. Вот, кажется, столько статей ему светит, по ним есть реальный срок. Но прошло время, и милиция все спустила на тормозах. Это оказался их бывший сотрудник в отставке. Написали они, что он добровольно сдал оружие и что обязуется оплатить стоимость ремонта УАЗ, и дело закрыли. Рука руку моет. Хорошо, хоть деньги за ремонт вернул.

Аллея любви

Пришло лето, тепло, красиво, подсолнухи цветут, птички поют. Едет оперативная группа по полевым дорогам уже родного колхоза, любит полями, лугами, полными цветов. Но главная задача объезда полей – обнаружить незаконно проникших на охраняемые поля с целью хищения сельхозпродукции. А похищать уже было что. Молодой картофель, молочная кукуруза подросли и манят не только взгляд, но и воров. Объехав поля от дачных участков до села Нижний Берег, далее поселок Маслов Мол, оперативная группа сворачивает с центральной трассы на левую половину полей. Посредине поля растет посадка из дубов и акаций, посаженная колхозниками еще при советской власти. Посадка уже выросла, кроны у деревьев большие, между деревьями кустарник. Очень удобное место спрятать машину и воровать все, что растет на поле.

Едут тихо, на полгаза, чтобы звук машины не испугал воришек.

– Стоп! – дает команду старший группы.

Машина останавливается. Впереди из кустов виднеется бампер иномарки. Оперативная группа вышла из машины, не хлопая дверью, оружие в положение готовности. Маскируясь к местности, тихонько крадутся к спрятанной машине. Подходят. Из машины доносится легкая музыка и странные звуки. С двух сторон заглядывают тихонько в машину.

Две обнаженные женские ноги упираются в стекла задних дверей, между ними обнаженный парень пыхтит, старается, грудь у девицы колыхается от его движений. Стонет девица, наслаждается силой и удалью парня.

– Вот блин, снова эти влюбленные, – с горечью шепчет старший группы, и снова все скрытно удаляются обратно к своей машине.

Кого там только не обнаруживали. Попадались и сотрудники милиции с любовницами, и полковник МЧС с подругой, и местные жители с молодыми любовницами, тоже местными жительницами.

После того, как уже пятый раз в этой посадке было обнаружено подобное происшествие, посадку эту окрестили охранники «Аллеей любви».

Но были и мелкие воришки: то агроном соседнего колхоза, решивший сравнить свой урожай и колхоза; то проезжающие по трассе с отдыха местные жители; то местные бабульки-пензионерки; то работники самого колхоза, решившие испробовать вкус нового урожая.

Но были и целые бригады залетных воришек. Таких оперативная группа поймала, когда они срезали кочаны капусты и грузили их в машину. Цыгане, частые гости колхозных полей. С этими очень трудно, не хотят они понимать простых и добрых слов. Но дубинки и газовые баллончики быстро приводили их ко взаимопониманию. Не прошло и двух лет, как с полей колхоза исчезли мелкие воришки, да и урожай исчез тоже. Земли отдали в аренду консервному заводу, а у него своя охрана.

Оппозиция

Плохо это или хорошо, не будем говорить, но раз людям нравилось, значит, охранники все делали правильно. Конечно, не обходилось и без происшествий, оппозиция быстро дала о себе знать.

В-первых, они подали в суд на ОАО «СП «Красное дышло» об ущемлении их интересов при купле-продаже земельных участков.

Во вторых, требовали свои имущественные пай, проданные, на их взгляд, обманным путем и выкупленные за бесценок.

Ну, с землей, конечно, дело темное, ведь у всех пайщиков земля виртуальная, нет четко обозначенных ни границ участка, ни место его расположения. Вот, пользуясь этим, оппозиция собрала свое собрание, и решили, что их земельный участок находится за насосной станцией второго подъема у поселка Нижний Берег. А точнее, справа, возле дачных участков. И когда работники колхоза поехали сеять на этот участок ячмень, оппозиционеры встали перед тракторами и не пускали тракторы в поле. Приехали и Женя с Беловым, вызвали участкового инспектора милиции, оперативную группу охраны. Начались переговоры, оппозиция все снимала на видеокамеру. Женя предъявил удостоверение директора охраны и попросил их не препятствовать севу, ибо это не просто нарушение общественного порядка, а уже тянет на уголовное дело. Документов на собственность или иных документов, определяющих местонахождение их земельных участков, у оппозиции с собой не было. Размахивая какими-то копиями документов десятилетней давности, качали права. Они не имели на руках также и решение суда. Ведь суд все еще продолжался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.